

Заповедник гоблинов

Автор:

[Клиффорд Саймак](#)

Заповедник гоблинов

Клиффорд Дональд Саймак

Азбука-бестселлер

В этой удивительной истории гоблины не те злобные прислужники темных сил, какими их описал Толкин. У Саймака это добродушный и веселый народец, ценящий удачную шутку и уважающий октябрьский эль. Тролли здесь живут под мостом, Шекспир выступает с лекцией «Писал ли я шекспировские пьесы?», неандерталец Алле-Оп прекрасно чувствует себя в кабачке «Свинья и свисток», облюбованном студентами и преподавателями Института времени, где работает главный герой романа... Книга светлая, простая, умная, добрая и веселая, как и положено всякой хорошей книге. А еще она на любой возраст, как книги Экзюпери и Брэдбери.

Клиффорд Саймак

Заповедник гоблинов

Clifford D. Simak

The Goblin Reservation

© 1968 by Clifford D. Simak

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1971

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава 1

Инспектор Дрейтон сидел за письменным столом как несокрушимая скала и терпеливо ждал. Он был костляв, а его лицо словно вырубали из сучковатого чурбака. Глаза его, напоминавшие кремневые наконечники стрел, время от времени тускло поблескивали – он был сердит и расстроен. Но Питер Максвелл знал, что такой человек никогда не допустит, чтобы его раздражение вырвалось наружу. Он будет делать свое дело с упорством и бульдожьей хваткой, не обращая внимания ни на что.

Именно такой ситуации Максвелл и надеялся избежать. Но теперь ему стало ясно, что он тешил себя пустыми иллюзиями. Конечно, он с самого начала понимал, что на Земле не могли не встревожиться, когда полтора месяца назад он не появился на станции своего назначения, и, естественно, у него не было никаких шансов вернуться домой тихо и незаметно. И вот сейчас он сидит напротив инспектора, и ему во что бы то ни стало нужно сохранять спокойствие и держать себя в руках. Он сказал:

– Я, право же, не понимаю, почему мое возвращение на Землю могло заинтересовать службу безопасности. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор факультета сверхъестественных явлений Висконсинского университета. Вы ознакомились с моими документами...

– У меня нет никаких сомнений в том, кто вы такой, – сказал Дрейтон. – Может быть, я удивлен, но сомнений у меня нет ни малейших. Странно другое. Профессор Максвелл, не могли бы вы сказать мне поточнее, где вы находились

все это время?

– Но я и сам почти ничего не знаю, – ответил Питер Максвелл. – Я был на какой-то планете, однако мне не известны ни ее название, ни местонахождение. Может быть, до нее не больше светового года, а может быть, она находится далеко за пределами нашей Галактики.

– Но как бы то ни было, – заметил инспектор, – вы не прибыли на станцию назначения, указанную в вашем билете?

– Да, – сказал Максвелл.

– Не могли бы вы мне объяснить, что произошло?

– Только предположительно. Я полагаю, что моя волновая схема отклонилась от заданного направления, а может быть, ее перехватили. Сначала я приписал это неполадкам в передатчике, но потом усомнился. Передатчиками мы пользуемся уже сотни лет, и малейшая возможность ошибки была исключена давным-давно.

– То есть вы полагаете, что вас похитили?

– Если угодно.

– И все-таки не хотите мне ничего сказать?

– Но я же объяснил, что говорить мне, в сущности, нечего.

– А эта планета никак не связана с колесниками?

Максвелл покачал головой:

– Точно сказать не могу, но вряд ли. Во всяком случае, там их не было. И я не заметил никаких признаков того, что они могли бы иметь ко всему этому хотя бы малейшее отношение.

– Профессор Максвелл, а вы когда-нибудь видели колесников?

– Всего один раз. Это было несколько лет назад. Кто-то из них стажировался в Институте времени, и я однажды столкнулся с ним в коридоре.

– Так что вы узнали бы колесника, если бы увидели?

– Да, конечно!

– Судя по вашему билету, вы намеревались посетить одну из планет системы Енотовой Шкуры?

– Ходили слухи о драконе, – объяснил Максвелл. – Правда, ничем не подтвержденные. И довольно смутные. Но я подумал, что имело бы смысл установить...

Дрейтон поднял бровь.

– О драконе? – переспросил он.

– Вероятно, человеку, далекому от моей науки, трудно оценить все значение дракона, – сказал Максвелл. – Ведь пока еще не обнаружено ни одного реального подтверждения того, что подобное существо действительно где-нибудь когда-нибудь обитало. А ведь легенды о драконах – одна из характернейших черт фольклора Земли и некоторых других планет. Феи, гоблины, тролли, баньши – их всех мы обнаружили во плоти, но драконы по-прежнему остаются легендой. И любопытно, что у нас на Земле эта легенда бытовала не только среди людей. Легенды о драконе есть и у маленького народца холмов. Мне иногда кажется, что наши сказания о драконах мы заимствовали именно у них. Но все это лишь предания, и нет никаких фактов, подтверждающих...

Он неловко умолк. Какое дело лишенному воображения полицейскому до легенд о драконах?

– Извините, инспектор, – сказал он. – Боюсь, я несколько увлекся.

– Мне приходилось слышать, что в основе этих легенд лежат воспоминания о динозаврах, дошедшие до нас от предков.

– Да, я знаю о таких предположениях, – ответил Максвелл. – Но ведь этого не могло быть. Динозавры вымерли задолго до того, как появились самые отдаленные предки человека.

– Но маленький народец...

– Возможно, – перебил Максвелл, – но маловероятно. Я хорошо знаком с обитателями холмов и разговаривал об этом с ними. Их род, несомненно, гораздо древнее нашего, но нет никаких данных, что их предки уже существовали во времена динозавров. Во всяком случае, никаких воспоминаний об этом у них не сохранилось, хотя их легенды и сказания восходят к событиям давностью в несколько миллионов лет. Они очень долго живут, они почти бессмертны по нашим меркам, хотя, конечно, в свой срок тоже умирают. При подобном положении вещей изустные предания, переходящие от поколения к поколению, как правило, сохраняются...

Дрейтон нетерпеливо отмахнулся от драконов и от маленького народца холмов.

– Вы отправились в систему Енотовой Шкуры, – сказал он, – но не попали туда.

– Совершенно верно. Я оказался на той планете, о которой говорил. На хрустальной планете, заключенной в оболочку.

– Хрустальной?

– Из какого-то камня. Может быть, из кварца. А может быть, и из металла. Я видел там металлы.

Дрейтон мягко спросил:

– А когда вы отправлялись, вы не знали, что окажетесь на этой планете?

– Если вы подозреваете подвох, – ответил Максвелл, – то вы ошибаетесь. Для меня это было полной неожиданностью. В отличие от вас как будто. Ведь вы ждали меня здесь!

– Да, особой неожиданностью ваше прибытие не было, – согласился Дрейтон. – Нам уже известны два таких случая.

– Значит, у вас есть сведения об этой планете?

– О ней – никаких, – сказал Дрейтон. – Нам известно только, что где-то имеется планета с незарегистрированным передатчиком, а также приемником, позывные которого в списках не значатся. Когда здесь, на Висконсинской станции, оператор принял их уведомление о передаче, он послал им сигнал подождать, пока не освободится какой-нибудь из приемников, а сам связался со мной.

– А остальные двое?

– Тоже поступили сюда. Оба они были посланы на Висконсинскую станцию.

– Но если они вернулись...

– В том-то и дело! – воскликнул Дрейтон. – Они не вернулись. То есть в том смысле, что мы не могли их ни о чем расспросить. В волновой схеме произошли какие-то нарушения, и они восстановились неверно. Перепутались друг с другом. Оба – внеземляне, но клубок получился такой, что нам пришлось повозиться, прежде чем мы установили, кем они могли быть. Да и сейчас еще мы полностью не уверены.

– Они были мертвы?

– Мертвы? Еще бы! Довольно жуткая история. Вам повезло.

Максвелл с трудом подавил дрожь.

– Да, пожалуй, – сказал он.

– Казалось бы, – продолжал Дрейтон, – те, кто берется за передачу материи на расстояние, должны бы прежде научиться делать это как положено. И неизвестно, сколько пассажиров они уже успели неправильно принять!

– Но ведь вы должны были это знать! – возразил Максвелл. – Я хочу сказать, что вам должны быть известны все случаи исчезновения в пути. Любая станция немедленно сообщила бы о том, что ожидаемый пассажир не прибыл.

– Тут-то собака и зарыта! – воскликнул Дрейтон. – Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь исчез. Мы не сомневаемся, что двое внеземлян, которых мы приняли мертвыми, благополучно прибыли на станцию назначения, так как ни единого нарушения в расписании прибытий зарегистрировано не было.

– Но ведь я же отправился в систему Енотовой Шкуры, и оттуда должны были сообщить...

Он умолк, пораженный внезапной мыслью.

Дрейтон медленно кивнул:

– Я так и думал, что вы разберетесь в ситуации. Питер Максвелл благополучно прибыл на станцию Енотовой Шкуры и почти месяц назад вернулся на Землю.

– Это какая-то ошибка, – машинально сказал Максвелл.

Он был не в силах поверить, что на Земле существует еще один Питер Максвелл, во всем ему подобный.

– Нет, это не ошибка, – сказал Дрейтон. – Вы существуете в единственном числе. Примерно через неделю после возвращения Питер Максвелл погиб. Несчастный случай.

Глава 2

В нескольких шагах от крохотного кабинета, где они беседовали с Дрейтоном, за поворотом коридора Максвелл увидел ряд свободных стульев и, поставив чемодан на пол, осторожно опустился на один из них.

Это невозможно, твердил он себе. Сразу два Питера Максвелла – а теперь один из этих Максвеллов мертв! Как поверить, что хрустальная планета располагает аппаратами, которые способны дублировать систему волн, движущихся со световой скоростью, вернее, со скоростью, неизмеримо превосходящей скорость света, поскольку ни в одном уголке Галактики, уже охваченном сетью передатчиков материи, не замечалось ни малейшего разрыва между моментом передачи и моментом приема. Перехват – да, пожалуй! Перехватить волновую схему в пути теоретически еще можно. Но снять с нее копию? Нет!

Две невероятности, думал он. Два события, которые просто не могли произойти. Впрочем, если одно все-таки произошло, то другое было лишь его естественным следствием. Раз с волновой схемы была снята копия, то обязательно должны были возникнуть два Максвелла, один из которых отправился в систему Енотовой Шкуры, а другой – на хрустальную планету. Но если тот, другой, Питер Максвелл действительно отправился в систему Енотовой Шкуры, он должен еще быть там или только-только собирается вернуться. Ведь он уехал туда на шесть недель и мог задержаться дольше, если того потребуют розыски источника легенд о драконе.

Внезапно Максвелл заметил, что у него дрожат руки, и, стиснув их, он зажал ладони в коленях.

«Держись!» – приказал он себе. Что бы его ни ждало, он должен довести дело до конца! И ведь он ничего, в сущности, не знает. У него нет никаких фактов. Только утверждения инспектора службы безопасности, а к ним следует относиться критически. Ведь это могло быть всего лишь неуклюжей полицейской уловкой, попыткой заставить его сказать лишнее. Но это могло быть и правдой... все-таки могло!

Но если так, он тем более должен держаться. Потому что у него есть дело, которое надо довести до конца, ничего не напортив.

Однако все станет гораздо сложнее, если за ним будут следить. С другой стороны, неизвестно, будут ли за ним следить. А впрочем, так ли уж это важно? Труднее всего будет пробиться к Эндрю Арнольду. Попасть на прием к ректору Планетарного университета не очень-то просто. Он слишком занятой человек, чтобы тратить время на разговоры с заурядным преподавателем, тем более что указанный преподаватель не сможет даже сообщить заранее, о чем, собственно, он намерен беседовать с ректором.

Дрожь в руках унялась, но он все еще не разжимал их. Немного погодя он выберется отсюда, спустится к шоссе и сядет где-нибудь на одной из внутренних скоростных полос. Через час с небольшим он уже будет у себя в университетском городке и скоро узнает, правду ли говорил Дрейтон. И увидит своих друзей – Алле-Опа, Духа, Харлоу Шарпа, Аллена Престона и всю прочую братию.

И вновь будут буйные ночные пирушки в «Свинье и свистке», долгие мирные прогулки по тенистым аллеям и катание на лодках по озеру. Будут беседы и споры, и обмен старинными сказаниями, и неторопливый академический распорядок дня, оставляющий человеку досуг, чтобы жить.

Он поймал себя на том, что с удовольствием думает о предстоящей поездке, потому что шоссе огибало холмы по границе Заповедника гоблинов. Там, конечно, жили не только гоблины, но и прочие существа, с древних времен называемые маленьким народцем, и все они были его друзьями – ну если не все, то очень многие. Тролли порой могли вывести из себя кого угодно, а сколотить настоящую прочную дружбу с такими созданиями, как баньши, было трудновато.

В это время года, подумал он, холмы должны быть великолепны. Он отправился в систему Енотовой Шкуры на исходе лета, и холмы все еще были облачены в темно-зеленые одежды. Но теперь, в середине октября, они, конечно, уже блистают всеми пышными красками осени: винный багрянец дубов, золото кленов и пламенеющий пурпур дикого винограда, как нить, сшивающая все остальные цвета. И воздух будет пахнуть сидром, будет пронизан тем неповторимым пьянящим благоуханием, которое приходит в леса только с умиранием листьев.

Он сидел и вспоминал, как два года назад в такую же осень они с мистером О'Тулом отправились на байдарках вверх по реке в северные леса, надеясь где-нибудь по пути вступить в контакт с лесными духами, о которых повествуют древние легенды оджибвеев. Они плыли по кристально прозрачным протокам, а вечером разжигали костер на опушке темного соснового бора; они ловили рыбу на ужин, и отыскивали лесные цветы на укромных полянках, и рассматривали бесчисленных птиц и зверей, и отлично отдохнули. Но никаких духов они так и не увидели, что, впрочем, было вполне естественно. С маленьким народцем Северной Америки редко кому удавалось вступить в соприкосновение, потому что это были подлинные дети первозданной природы, непохожие на

полуцивилизованных, свыкшихся с людьми обитателей холмов Европы.

Сиденье, на котором расположился Максвелл, было повернуто к западу, и сквозь гигантские стеклянные окна он видел реку и обрывы за ней, по которым в старину проходила граница штата Айова, – темно-лиловые громады в венце молочно-голубого осеннего неба. На краю одного из обрывов он различил светлое пятно – это был Институт тавматургии, где преподавали главным образом восьми-ножки с планет альфы Центавра. Вглядываясь в дальний силуэт здания, Максвелл вспомнил, что много раз обещал себе принять участие в одном из их летних семинаров, но так и не собрался.

Он протянул руку и переставил чемодан, намереваясь встать, но остался сидеть. Он никак не мог отдышаться, а в коленях ощущалась неприятная слабость. То, что он услышал от Дрейтона, потрясло его гораздо больше, чем ему показалось в первый момент, и шок никак не проходил. Спокойнее, спокойнее, сказал он себе. Нельзя так распускаться. Может быть, это неправда, даже наверное неправда. И пока сам во всем не убедился, нервничать нечего.

Максвелл медленно встал, нагнулся, чтобы взять чемодан, но задержался, не решаясь окунуться в шумную суматоху зала ожидания. Люди – земляне и внеземляне – деловито спешили куда-то или стояли небольшими группами. Белобородый старец в чопорном черном костюме – маститый ученый, судя по его виду, решил Максвелл, – что-то говорил компании студентов, явившихся его проводить. Семейство рептилий расположилось на длинных диванчиках, предназначенных для существ такого типа, то есть не способных сидеть. Двое взрослых, лежавших лицом друг к другу, переговаривались с шипением, характерным для речи рептилий, а дети тем временем ползали по диванчикам и под диванчиками и, играя, свивались в клубки на полу. В небольшой нише бочкообразное существо, лежа на боку, неторопливо перекатывалось от одной стены к другой, что, вероятно, соответствовало манере землян в задумчивости расхаживать взад и вперед по комнате. Два паукообразных создания, удивительно похожих на фантастические конструкции из тоненьких палочек, расположились друг против друга на полу. Они начертили на плитах что-то вроде игровой доски, расставили на ней странные фигурки и, азартно вереща, принялись двигать их с молниеносной быстротой.

Дрейтон спрашивал о колесниках. Нет ли какой-нибудь связи между хрустальной планетой и колесниками?

Вечно колесники! Настоящая мания – колесники, колесники, колесники, думал Максвелл. И может быть, для этого все-таки есть основания. Ведь о них не известно почти ничего. Они были смутным и неясным фактором, возникшим где-то в глубинах космоса, еще одной движущейся по Вселенной мощной культурой, которая кое-где на дальних границах вступала в отдельные контакты с ширящейся человеческой цивилизацией.

И Максвелл воскресил в памяти первый и единственный случай, когда ему довелось увидеть колесника – студента, который приехал из Института сравнительной анатомии Рио-де-Жанейро на двухнедельный семинар в Институте времени. Он помнил возбуждение, охватившее Висконсинский университетский городок: разговоров было много, однако выяснилось, что увидеть загадочное существо практически невозможно – колесник почти не покидал здания, где проходил семинар. Но однажды, когда Максвелл шел к Харлоу Шарпу, который пригласил его пообедать, ему в коридоре встретился колесник, и это было настоящим потрясением.

Все дело только в колесах, сказал он себе. Ни у какого другого существа в известных пределах Вселенной колес не было. Он вдруг увидел перед собой пухлый пудинг, подвешенный между двумя колесами, ось которых проходила примерно через середину туловища. Колеса были одеты мехом, а обод, как он заметил, заменяли роговые затвердения. Низ пудингообразного тела свисал над осью, точно набитый мешок. Но худшее он обнаружил, подойдя поближе: вздутая нижняя часть была прозрачной, и внутри что-то непрерывно извивалось и копошилось – казалось, ты видишь огромную банку, наполненную червяками самых ярких расцветок.

И эти извивавшиеся существа в этом обвислом безобразном брюхе действительно были если и не червяками, то во всяком случае какими-то насекомыми, какой-то формой жизни, тождественной земным насекомым. Колесники представляли собой организмы-ульи, и их сообщество слагалось из множества таких ульев, каждый из которых был отдельной колонией насекомых или чего-то, что соответствовало насекомым в представлении землян.

Такие ульевые создания вполне могли дать пищу для тех страшных историй о колесниках, которые возникали где-то на отдаленных границах Вселенной. И если эти жуткие истории не были вымыслом, значит человек наконец столкнулся с тем гипотетическим врагом, встречи с которым он опасался с того момента, как вышел в космос.

Исследуя Вселенную, человек обнаружил немало странных, а иногда и жутких созданий, но ни одно из них, размышлял Максвелл, не наводило такого ужаса, как это снабженное колесами гнездо насекомых. В самой его идее было что-то тошнотворное.

Земля уже давно стала гигантским галактическим учебным центром, куда десятками тысяч прибывали внеземные существа, чтобы учиться и преподавать в его бесчисленных университетах и институтах. И со временем, подумал Максвелл, в это галактическое содружество, символом которого стала Земля, могли бы войти и колесники, если бы только удалось установить с ними хоть какое-то взаимопонимание. Но до сих пор достичь этого не удавалось.

Почему, с недоумением спросил себя Максвелл, даже мысль о колесниках вызывает непоборимое отвращение, хотя человек и все другие обитатели Вселенной научились отлично ладить друг с другом?

Зал ожидания вдруг представился ему Вселенной в миниатюре. Тут были существа, прибывшие с множества планет самых разных звезд, – и прыгуны, и ползуны, и дергунчики, и катуны. Земля стала плавильной печью галактик, думал он, тем местом, где встречаются существа с тысяч звезд, чтобы знакомиться с чужими культурами, чтобы обмениваться мыслями и идеями.

– Номер пять-шесть-девять-два! – завопил громкоговоритель. – Пассажир номер пять-шесть-девять-два, до вашего отбытия остается пять минут. Кабина тридцать седьмая. Пассажир пять-шесть-девять-два, просим вас немедленно пройти в кабину тридцать семь!

Куда может отправляться пассажир № 5692, прикинул Максвелл. В джунгли второй планеты Головной Боли, в мрачные, открытые всем ветрам ледяные города Горести IV, на безводные планеты Убийственных Солнц или на любую другую из тысячи планет, до которых с того места, где он стоял, можно было добраться в мгновение ока, потому что их объединяла система передатчиков материи. Но сама эта система служит вечным памятником кораблям-разведчикам, которые первыми проложили путь сквозь тьму космического пространства – как пролагают они его и теперь, медленно, с трудом расширяя пределы Вселенной, известной человеку.

Зал ожидания гудел от отчаянных призывов диктора к опоздавшим или неявившимся пассажирам, от жужжания тысяч голосов, разговаривающих на сотнях языков, от шарканья и топота множества ног.

Максвелл поднял чемодан и направился было к выходу, но тотчас снова остановился, пропуская автокар с аквариумом, заполненным мутной жижей. В туманной глубине аквариума он разглядел неясные очертания фантастической фигуры; вероятно, это был обитатель какой-нибудь жидкой планеты (жидкой, но отнюдь не водяной!), профессор, прибывший на Землю прочесть курс лекций по философии, а может быть, на стажировку в тот или иной физический институт.

Когда автокар с аквариумом проехал, Максвелл без дальнейших помех добрался до дверей и вышел на красивую эспланаду, которая террасами спускалась к бегущим полосам шоссе. Он с удовольствием заметил, что около шоссе нет очереди – это случилось не так уж часто.

Максвелл всей грудью вдыхал чистый вкусный воздух, пронизанный холодной осенней свежестью. Он казался особенно приятным после недель, проведенных в мертвой, затхлой атмосфере хрустальной планеты.

Подходя к шоссе, Максвелл увидел огромную афишу. Набранная старинным крупным шрифтом, она торжественно и с достоинством зазывала почтенную публику:

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР, ЭСКВАЙР

из Стрэтфорда-на-Эйвоне (Англия)

прочтет лекцию

«ПИСАЛ ЛИ Я ШЕКСПИРОВСКИЕ ПЬЕСЫ?»

под эгидой Института времени

22 октября в аудитории Музея времени

Начало в 8 часов вечера

Билеты продаются во всех агентствах

- Максвелл! – крикнул кто-то, и он обернулся.

К нему по эспланаде бежал какой-то человек.

Максвелл поставил чемодан, поднял было руку в приветственном жесте, но тут же опустил, увидев, что окликнувший незнаком ему. Тот перешел на рысцу, а потом на быстрый шаг.

- Профессор Максвелл, не так ли? – спросил он. – Я не мог ошибиться.

Максвелл сдержанно кивнул, испытывая некоторую неловкость.

- А я – Монти Черчилл, – объяснил незнакомец, протягивая руку. – Мы познакомились с вами около года назад. У Нэнси Клейтон на ее очередном гала-вечере.

- Как поживаете, Черчилл? – сказал Максвелл холодно.

Потому что теперь он вспомнил этого человека – если не лицо, то фамилию. Как будто юрист. И кажется, специализируется на посредничестве. Один из тех, кто берется за любое дело, лишь бы клиент хорошо заплатил.

- Лучше не бывает! – весело воскликнул Черчилл. – Только что вернулся из поездки. Не слишком долгой. Но все-таки до чего же приятно вернуться домой! Ничего нет на свете лучше дома. Потому-то я вас и окликнул. Несколько недель ни одного знакомого лица, представляете?

- Спасибо, – сказал Максвелл.

- Направляетесь к себе в университетский городок?

– Да. Я как раз шел к шоссе.

– Ну зачем же! – запротестовал Черчилл. – У меня тут автолет. На станционной площадке. Места для двоих вполне хватит. Доберетесь домой гораздо быстрее.

Максвелл молчал, не зная, на что решиться. Черчилл ему не нравился, но он был прав: по воздуху они доберутся туда гораздо быстрее. А это его устраивало – он хотел поскорее выяснить положение вещей.

– Очень любезно с вашей стороны, – наконец ответил он. – Конечно, если я вас не стесню.

Глава 3

Мотор зафыркал и смолк. Через секунду оборвалось тихое гудение сопел, и в наступившей тишине стал слышен пронзительный свист воздуха, ударяющегося о металл.

Максвелл взглянул на соседа. Черчилл сидел, словно окаменев – то ли от страха, то ли от изумления. Ведь случилось невыносимое, то, чего никак не могло быть. Автолеты этого типа никогда не ломались.

Внизу под ними вздымались острые зубцы крутых утесов и макушки могучих деревьев, под которыми прятались скалы. Слева вилась серебристая лента реки, омывавшая подножия лесистых холмов.

Время словно застыло и начало растягиваться – казалось, непонятное колдовство превращает каждую секунду в целую минуту. И с удлинением времени пришло спокойное осознание того, что должно было произойти, – так, как будто речь шла не о нем, а о ком-то другом, как будто ситуацию трезво и реалистически оценивал посторонний наблюдатель, подумал Максвелл. Но где-то в дальнем, скрытом уголке его мозга жила мысль о паническом страхе, который вспыхнет чуть позже, когда автолет ринется вниз, на верхушки деревьев и скал, а время обретет обычную скорость.

Подавшись вперед, он осмотрел простирившуюся внизу местность и вдруг увидел поляну в лесу – крохотный светло-зеленый островок в темном море деревьев.

Он толкнул Черчилла локтем и указал на поляну. Тот посмотрел, кивнул и начал поворачивать штурвал медленно и нерешительно, словно проверяя, будет ли машина слушаться.

Автолет слегка накренился и сделал вираж, по-прежнему продолжая медленно падать, но уже в нужном направлении. На мгновение он, казалось, вышел из-под контроля, затем скользнул вбок, теряя высоту быстрее, чем раньше, но планируя туда, где среди деревьев был виден просвет.

Теперь верхушки деревьев стремительно мчались им навстречу, и Максвелл уже различал осенние краски – сплошная темная масса стала красной, золотой и оранжевой. Длинные багряные копыта взметнулись, чтобы пронзить, золотые клешни злобно тянулись к ним, чтобы сомкнуться в цепкой хватке.

Автолет задел верхние ветки дуба, на миг, словно в нерешительности, повис между небом и землей, а затем нырнул к зеленой лужайке в самой чаще леса.

Лужайка фей, отметил Максвелл. Их бальный зал, а теперь – посадочная площадка.

Он покосился на Черчилла, вцепившегося в рычаги управления, и снова устремил взгляд на несущийся к ним зеленый круг. Он должен, должен быть ровным! Ни кочек, ни рытвин, ни ям! Ведь когда создавалась эта лужайка, почва специально выравнивалась в соответствии с принятыми стандартами.

Автолет ударился о землю, подскочил и угрожающе накренился. Затем вновь коснулся травы и покатил по ней без единого толчка. Деревья в дальнем конце лужайки неслись на них с ужасающей быстротой.

– Держитесь! – крикнул Черчилл, и в тот же момент машина повернула и пошла юзом.

Когда она остановилась, до стены деревьев было не больше пяти шагов. Их обступила мертвая тишина, которая словно надвигалась на них от пестрого леса и скалистых обрывов.

Из безмолвия донесся голос Черчилла:

– Еще немного – и...

Он откинул верх и выбрался наружу. Максвелл последовал за ним.

– Не понимаю, что произошло, – сказал Черчилл. – В эту штуку встроено столько всяких предохранителей, что уму непостижимо! Да, конечно, можно угодить под молнию, или врезаться в гору, или попасть в смерч – но мотор не выходит из строя никогда. Его можно только выключить.

Он вытер лоб рукавом, а потом спросил:

– Вы знали про эту лужайку?

Максвелл покачал головой:

– Нет. Но я знал, что такие лужайки существуют. Когда создавался заповедник, в планах его ландшафта такие лужайки были предусмотрены. Видите ли, феям нужно место для танцев. И, заметив в лесу просвет, я догадался, что это может быть такое.

– Когда вы указали вниз, – сказал Черчилл, – я просто положился на вас. Деваться все равно было некуда – и я рискнул...

Максвелл жестом остановил его.

– Что это? – спросил он, прислушиваясь.

– Как будто топот лошадиных копыт, – отозвался Черчилл. – Но кому могло взбрести в голову прогуливать тут лошадь? Доносится вон оттуда.

Топот явно приближался.

Обойдя автолет, Максвелл и Черчилл увидели тропу, которая круто поднималась к узкому отрогу, увенчанному массивными стенами полуразрушенного средневекового замка.

По тропе осторожно спускалась лошадь. На ее спине примостился толстячок, который при каждом движении своего скакуна подпрыгивал самым удивительным образом. Выставленные вперед локти нескладного всадника взлетали и падали, точно крылья.

Лошадь тяжело спустилась со склона на лужайку. Она была столь же неизящна, как и ее всадник, – лохматый битюг, чьи могучие копыта ударяли по земле с силой парового молота, вырывая куски дерна и отбрасывая их далеко назад. Он держал курс прямо на автолет, словно намеревался опрокинуть его, но в последнюю секунду неуклюже свернул и встал как вкопанный. Бока его вздымались и опадали, точно кузнечные мехи, из дряблых ноздрей вырывалось шумное дыхание.

Всадник грузно слез с его спины и, едва коснувшись ногами земли, разразился гневными восклицаниями.

– Это все они, негодники и паршивцы! – вопил он. – Это все они, мерзкие тролли! Сколько раз я им втолковывал: летит себе помело, и пусть летит, а вы не вмешивайтесь! Так нет! Не слушают! Только и думают, как бы шутку пошутить. Наложат заклятие, и все тут...

– Мистер О’Тул! – закричал Максвелл. – Вы меня еще помните?

Гоблин обернулся и прищурил красные близорукие глаза.

– Да никак профессор! – взвизгнул он. – Наш общий добрый друг! Ах, какой стыд, какой позор! Профессор, я с этих троллей спущу шкуры и растяну на двери, я приколочу их уши к деревьям!

– Заклятие? – спросил Черчилл. – Вы сказали – заклятие?

– А что же еще? – негодовал мистер О’Тул. – Что еще может спустить помело с неба на землю?

Он подковылял к Максвеллу и озабоченно уставился на него.

– А это и вправду вы? – спросил он с некоторым беспокойством. – Настоящий? Нас известили, что вы скончались. Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби.

– Нет, это воистину я, и настоящий, – сказал Максвелл, привычно переходя на диалект обитателей холмов. – Это были только слухи.

– Тогда на радостях мы все трое, – вскричал О’Тул, – выпьем по большой кружке доброго октябрьского эля! Варка как раз окончена, и я от всего сердца приглашаю вас, господа, снять первую пробу!

Со склона по тропе к ним бежали полдюжина других гоблинов, и мистер О’Тул властно замахал, поторапливая их.

– Всегда опаздывают! – пожаловался он. – Никогда их нет на месте в нужную минуту. Прийти-то они всегда приходят, но обязательно позже, чем надо бы. Хорошие ребята, как на подбор, и сердца у них добрые, но нет в них подлинной живости, коей отмечены истинные гоблины вроде меня.

Гоблины косолапой рысью высыпали на лужайку и выстроились перед О’Тулом, ожидая распоряжений.

– У меня для вас много работы! – объявил он. – Для начала идите к мосту и скажите этим троллям, чтобы они не смели заклятия накладывать. Раз и навсегда пусть прекратят и даже не пробуют. Скажите им, что это последнее предупреждение. Если они снова примутся за свое, мы разнесем тот мост по камушку и каждый мшистый камень укатим далеко от других, так что вновь тот мост не встанет никогда. И пусть снимут заклятие вот с этого упавшего помела, чтобы оно летало как новое! А вы идите искать фей, расскажите им о повреждении их лужайки, не забыв присовокупить, что во всем повинны эти подлые тролли, и обещайте, что, когда они придут сюда танцевать под полной луной, лужайка будет как новая. Вы позаботьтесь о Доббине: приглядите, чтобы его неуклюжие копыта не причинили лужайке нового ущерба, но если найдется

трава повыше, пусть он ее пощиплет. Бедняге нечасто выпадает случай насладиться таким пастбищем.

Мистер О'Тул повернулся к Максвеллу и Черчиллу, потирая ладони в знак удачно исполненного дела.

– А теперь, господа, – сказал он, – соблаговолите подняться со мной на холм, и мы испробуем, на что годится сладкий октябрьский эль. Однако прошу вас из сострадания ко мне идти помедленнее – мое брюхо что-то очень выросло, и я весьма страдаю от одышки.

– Ведите нас, старый друг, – сказал Максвелл. – Мы охотно подладим свой шаг к вашему. Давненько не пили мы вместе октябрьского эля.

– Да-да, разумеется, – сказал Черчилл растерянно.

Они начали подниматься по тропе. Впереди на фоне светлого неба четко вырисовывался силуэт развалин.

– Я должен заранее извиниться за состояние замка, – сказал мистер О'Тул. – Он полон сквозняков, способствующих насморкам, гайморитам и всяким другим мучительным недугам. Ветер рыскает по нему как хочет, и всюду стоит запах сырости и плесени. Я так и не постиг, почему вы, люди, уж раз вы начали строить для нас замки, не могли сделать их уютными и непроницаемыми для ветра и дождя. Если мы некогда и обитали в руинах, это еще не значит, что нас не влекут удобства и комфорт. Ведь мы жили в них потому, что бедная Европа не могла предложить нам ничего более подходящего. – Он умолк, отдышался и продолжил: – Я прекрасно помню, как две тысячи лет назад и более мы жили в новехоньких замках, хотя, конечно, и убогих, ибо невежественные люди в те века не умели строить лучше – и мастерства они не знали, и инструментов у них нужных не было, а уж о машинах и говорить не приходится. Да и вообще худосочный был народ. А нам приходилось скрываться по углам и закоулкам замков, ибо непросвещенные люди той поры страшились и чурались нас и пытались в своем невежестве обороняться от нас могучими чарами и заклинаниями. А впрочем, – добавил он не без самодовольства, – они же были всего только людьми, и колдовство у них хромало. Нам были не страшны даже самые замысловатые их чары.

– Две тысячи лет? Не хотите ли вы сказать... – начал было Черчилл и замолчал, заметив, что Максвелл покачал головой.

Мистер О’Тул остановился и бросил на Черчилла уничтожающий взгляд.

– Я помню, – заявил он, – как из того болотистого бора, который вы теперь называете Центральной Европой, весьма бесцеремонно явились варвары и рукоятками своих грубых железных мечей начали стучаться в ворота самого Рима. Мы слышали об этом в лесных чащах, где обитали тогда, и среди нас еще жили те – теперь давно умершие, – кто узнал про Фермопилы всего через несколько недель после того, как пали Леонид и его воины.

– Простите, – сказал Максвелл. – Но не все настолько хорошо знакомы с маленьким народцем...

– Будьте добры, – перебил О’Тул, – познакомьте его в таком случае!

– Это правда, – сказал Максвелл, обращаясь к Черчиллу. – Или во всяком случае вполне может быть правдой. Они не бессмертны и в конце концов умирают. Но живут так долго, что нам и представить трудно. Рождения у них редкость, иначе на Земле не хватило бы для них места. Но они доживают до невероятного возраста.

– А все потому, – сказал мистер О’Тул, – что мы проникаем в самое сердце природы и не транжирим драгоценную силу духа на мелочные заботы, о которые вдребезги разбиваются жизнь и надежды людей. Однако это слишком печальные темы, чтобы тратить на них столь великолепный осенний день. Так обратим же наши мысли со всем рвением к пенному элю, который ждет нас на вершине!

Он умолк и вновь начал взбираться по тропе – заметно быстрее, чем раньше.

Сверху им навстречу опрометью бежал крохотный гоблин – пестрая рубаха, которая была ему велика, билась на ветру.

– Эль! – верещал он. – Эль!

Он остановился перед ними, едва не упав.

– Ну и что эль? – пропыхтел мистер О’Тул. – Или ты хочешь покаяться, что осмелился его попробовать?

– Он скис! – простонал маленький гоблин. – Весь этот заклятый чан скис!

– Но ведь эль не может скиснуть! – возразил Максвелл, понимая, какая про-изошла трагедия.

Мистер О’Тул запрыгал на тропе, пылая яростью. Его лицо из коричневого стало багровым и тут же полиловело. Он хрипел и задыхался.

– Нет, может! Если его сглазить! Проклятие, о, проклятие!

Он повернулся и заспешил вниз по тропе в сопровождении маленького гоблина.

– Только дайте мне добраться до этих гнусных троллей! – вопил мистер О’Тул. – Только дайте мне наложить лапы на их жадные глотки! Я их выкопаю из-под земли вот этими самыми руками и повешу на солнце сушиться! Я спущу с них шкуры! Я их так проучу, что они вовек не забудут!..

Его угрозы все больше сливались в нечленораздельный рев, пока он быстро удалялся вниз по тропе, спеша к мосту, под которым обитали тролли.

Два человека с восхищением смотрели ему вслед, дивясь такому всепокрушающему гневу.

– Ну, – сказал Черчилл, – вот мы и лишились возможности испить сладкого октябрьского эля.

Когда Максвелл на одной из более медленных полос шоссе доехал до окраины университетского городка, часы на консерватории начали отбивать шесть. Из аэропорта Черчилл поехал другим путем, и Максвелл был этим очень доволен – не только потому, что юрист был ему чем-то неприятен, но и потому, что он испытывал потребность побыть одному. Ему хотелось ехать медленно, откинув щиток, в тишине, ни с кем не разговаривая и только впитывая атмосферу всех этих зданий и аллей, и чувствовать, что он вернулся домой, в единственное место в мире, которое понастоящему любил.

Сумерки спускались на городок благодатной дымкой, смягчая очертания зданий, превращая их в романтические гравюры из старинных книг. В аллеях группами стояли студенты с портфелями и негромко переговаривались. Некоторые держали книги под мышкой. На скамье сидел седой старик и смотрел, как в траве резвятся белки. По дорожке неторопливо ползли двое внеземлян-рептилий, поглощенные беседой. Студент-человек бодро шагал по боковой аллее, насвистывая на ходу, и его свист будил эхо в тихих двориках. Поравнявшись с рептилиями, он поднял руку в почтительном приветствии. И всюду высились древние величественные вяза, с незапамятных времен осеняющие все новые и новые поколения студентов.

И вот тут-то огромные куранты начали отбивать шесть часов. Густой звон разнесся вокруг, и Максвеллу вдруг почудилось, что университетский городок дружески здоровается с ним. Часы были его другом, и не только его, но всех, до кого доносился их бой. Это был голос городка. По ночам, когда он лежал в постели и засыпал, было слышно, как они бьют, отсчитывая время. И не просто отсчитывая время, но, подобно стражу, возвещая, что все спокойно.

Впереди, в сумраке, возникла громада Института времени – гигантские параллелепипеды из пластмассы и стекла, сияющие огнями. К их подножию прижалось здание музея. Поперек его фасада протянулось бьющееся на ветру белое полотнище. В сгущающихся сумерках Максвелл сумел разобрать только одно слово: «ШЕКСПИР».

Он улыбнулся при мысли о том, как должен бурлить сейчас факультет английской литературы. Старик Ченери и вся компания не простили обиды, когда два-три года назад институт докопался, что автором пьес был все-таки не граф Оксфорд. И это появление стрэтфордца во плоти будет горстью соли, высыпанной на еще не зажившую рану.

Вдали, на западной окраине городка, на вершине холма высились административные корпуса, словно вписанные тушью в гаснущий багрянец над горизонтом.

Полоса шоссе двигалась мимо Института времени и его кубообразного музея с трепещущим полотнищем плаката. Часы закончили отбивать время, и последние отголоски замерли во мгле.

Шесть часов! Через две-три минуты он сойдет с полосы и направится к «Гербу Уинстонов», который был его домом уже четыре года... нет, впрочем, уже не четыре, а пять! Максвелл сунул руку в правый карман куртки и нащупал кольцо с ключами.

Впервые после того, как он покинул Висконсинскую передаточную станцию, он вспомнил о другом Питере Максвелле. Конечно, история, которую рассказал ему инспектор Дрейтон, могла быть правдой, хотя он сильно в этом сомневался. Служба безопасности могла вполне пустить в ход именно такой прием, чтобы выведать у человека всю подноготную. Однако если это ложь, то почему из системы Енотовой Шкуры не поступило сообщения о том, что он не прибыл? Впрочем, и это ему известно только со слов инспектора Дрейтона, и про другие два таких же случая – тоже. Если можно усомниться в одном утверждении Дрейтона, то с какой стати принимать на веру остальные? Если хрустальная планета перехватывала и других путешественников, он, пока был там, ничего об этом не слышал. Однако, сказал себе Максвелл, это тоже ничего не означает: хозяева хрустальной планеты, несомненно, сообщали ему только то, что считали нужным.

Тут он сообразил, что тревожит его не столько разговор с Дрейтоном, сколько слова О'Тула: «Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби». Если бы не скисший эль, он, конечно, обсудил бы со старым гоблином события этих недель, но им так и не представилась возможность поговорить по душам.

Впрочем, пока можно об этом не думать. Как только он доберется домой, то сразу же позвонит кому-нибудь из своих друзей и узнает правду. Но кому позвонить? Харлоу Шарпу в Институт времени? Или Даллесу Грегу, декану его факультета? Или, может быть, Ксигму Маону Тайру, старому эриданцу с белоснежным мехом и задумчивыми лиловыми глазами, который целую жизнь провел в крохотном кабинете, разрабатывая методы анализа структуры мифов?

Или Аллену Престону, близкому приятелю, юристу? Пожалуй, начать следует с Престона – ведь если Дрейтон не солгал, ситуация может осложниться именно в юридическом плане.

Максвелл сердито одернул себя. Он, кажется, поверил! Во всяком случае, вот-вот поверит! Если так пойдет дальше, он убедит себя, что все это – чистая правда!

«Герб Уинстонов» был уже совсем близко. Максвелл поднялся с сиденья, взял чемодан и перешел на внешнюю, еле ползущую полосу. Напротив «Герба Уинстонов» он спрыгнул на тротуар.

Ни на широкой каменной лестнице, ни в вестибюле никого не было. Пошарив в кармане, он вытащил ключи и зажал в пальцах тот, который открывал дверь его квартиры. Лифт уже ждал, и он нажал кнопку седьмого этажа.

Ключ сразу вошел в замок и легко в нем повернулся. Дверь открылась, и Максвелл вошел в темную комнату. Дверь за его спиной автоматически закрылась, щелкнув замком, и он протянул руку к выключателю.

Но так и застыл с поднятой рукой. Что-то было не так. Какое-то чувство... ощущение... может быть, запах? Да, именно – запах! Слабый нежный аромат незнакомых духов.

Максвелл ударил кулаком по кнопке. Вспыхнул свет.

Комната стала другой. Не та мебель, и пронзительно-яркие картины на стенах. У него не было и никогда не будет таких картин!

Позади него снова щелкнул замок, и он стремительно обернулся. Дверь распахнулась, и в комнату вошел саблезубый тигр.

При виде Максвелла огромный кот припал к полу и заворчал, обнажив шестидюймовые кинжалы клыков.

Максвелл осторожно попятился. Тигр медленно пополз вперед, по-прежнему ворча. Максвелл шагнул назад, почувствовал удар по лодыжке, попытался

удержаться на ногах и понял, что падает. Он же видел этот пуфик! Мог бы, кажется, вспомнить... но не вспомнил, споткнулся о него и сейчас здорово шлепнется. Он попытался расслабиться, ожидая удара о жесткий пол, но вместо этого его спина погрузилась во что-то мягкое, и он сообразил, что приземлился на кушетку, которая стояла за пуфиком.

Тигр в изящном прыжке повис в воздухе, прижав уши, полуоткрыв пасть и вытянув массивные лапы вперед, словно таран. Максвелл вскинул руки, загоразивая грудь, но лапы отбросили их в сторону, как пушинки, и придавили его к кушетке. Огромная кошачья морда со сверкающими клыками придвинулась к самому лицу. Медленно, почти ласково тигр опустил голову и длинным розовым языком, шершавым, как терка, облизал щеки Максвелла.

Гигантский кот замурлыкал.

- Сильвестр! - донеслось из-за двери. - Сильвестр, немедленно прекрати!

Тигр еще раз ободрал языком лицо Максвелла и присел на задние лапы. Ухмыляясь и поставив уши торчком, он рассматривал Максвелла с дружеским и даже восторженным интересом.

Максвелл приподнялся и сел, откинувшись на спинку кушетки.

- Кто вы, собственно, такой? - спросила стоявшая в дверях девушка.

- Видите ли, я...

- Однако вы не из робких, - заметила она.

Сильвестр замурлыкал громче.

- Извините, мисс, - сказал Максвелл, - но я здесь живу. Во всяком случае, жил раньше. Это ведь квартира двадцать один?

- Да, конечно, - кивнула она. - Я сняла ее ровно неделю назад.

– Я мог бы догадаться, – сказал Максвелл, пожимая плечами. – Ведь мебель другая!

– Я потребовала, чтобы хозяин вышвырнул прежнюю, – объяснила она. – Это было что-то чудовищное.

– Погодите, – перебил Максвелл. – Старый зеленый диван, довольно потертый...

– И бар орехового дерева, – подхватила девушка. – И гнуснейший морской пейзаж, и...

– Достаточно, – устало сказал Максвелл. – Вы вышвырнули отсюда мои вещи.

– Не понимаю... Хозяин сказал, что прежний жилец умер. Несчастный случай, если не ошибаюсь.

Максвелл медленно поднялся на ноги. Тигр последовал его примеру, подошел поближе и начал нежно тереться головой о его колени.

– Сильвестр, перестань! – скомандовала девушка.

Сильвестр продолжал свое занятие.

– Не сердитесь на него, – сказала она. – Он ведь просто большой котенок.

– Биомех?

Девушка кивнула:

– Поразительная умница. Он ходит со мной повсюду. И всегда ведет себя прилично. Не понимаю, что на него нашло. Наверное, вы ему понравились.

Говоря это, она смотрела на тигренка, но тут внезапно бросила на Максвелла внимательный взгляд:

– Вам нехорошо?

Максвелл покачал головой.

- Вы что-то очень побледнели.

- Небольшое потрясение, - объяснил он. - Наверное, в этом все дело. Я сказал вам правду. До недавнего времени я действительно жил здесь. Произошла какая-то путаница...

- Сядьте, - приказала она. - Хотите выпить чего-нибудь?

- Если можно. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор...

- Погодите! Максвелл, вы сказали? Питер Максвелл... Ведь так звали...

- Да, я знаю, - сказал Максвелл. - Так звали того человека, который умер.

Он осторожно опустился на кушетку.

- Я принесу вам чего-нибудь, - сказала девушка.

Сильвестр подобрался поближе и ласково положил массивную голову Максвеллу на колени. Максвелл почесал его за ухом, и Сильвестр, громко замурлыкав, чуть-чуть повернулся, показывая Максвеллу, где надо чесать.

Девушка вернулась с рюмкой и села рядом.

- Но я все-таки не понимаю... Если вы тот, кто...

- Все это очень запутанно, - заметил Максвелл.

- Должна сказать, что держитесь вы неплохо. Немного ошеломлены, но не сокрушены.

- По правде говоря, - признался Максвелл, - на самом-то деле я не был застигнут врасплох. Меня поставили об этом в известность, но я не поверил. То есть не

позволил себе поверить. – Он поднес рюмку к губам. – А вы не будете пить?

– Если вам лучше, – сказала она, – я пойду налью и себе.

– Я прекрасно себя чувствую, – ответил Максвелл. – И как-нибудь все это переживу.

Он посмотрел на свою собеседницу и только теперь увидел ее по-настоящему – стройная, подтянутая, коротко подстриженные темные волосы, длинные ресницы и глаза, которые ему улыбались.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Кэрол Хэмптон. Я историк, работаю в Институте времени.

– Мисс Хэмптон, – сказал он, – приношу вам свои извинения. Я уезжал – вообще с Земли. И только что вернулся. У меня был ключ, он подошел к замку, а когда я уезжал, эта квартира была моей...

– Не нужно ничего объяснять, – перебила она.

– Мы выпьем, – сказал он. – А потом я встану и уйду. Если только...

– Что?

– Если только вы не согласитесь пообедать со мной. Чтобы я мог хоть чем-то отплатить вам за чуткость. Ведь вы могли бы выбежать с воплями...

– А не подстроено ли все это? – спросила она подозрительно. – Вдруг вы...

– Ни в коем случае, – сказал он. – У меня не хватило бы сообразительности. И к тому же откуда бы я взял ключ?

Она поглядела на него, а потом сказала:

– Это было глупо с моей стороны. Но нам придется взять с собой Сильвестра. Он ни за что не останется один.

– Да я никогда и не согласился бы бросить его одного! – заявил Максвелл. – Мы с ним друзья до гроба.

– Это обойдется вам в бифштекс, – предупредила она. – Он всегда голоден, а ест только хорошие бифштексы. Большие. И с кровью.

Глава 5

В «Свинье и свистке» было темно, шумно и чадно. Между тесно составленными столиками оставались лишь узенькие проходы. Мерцали дрожащие огоньки свечей. Низкий зал был заполнен разноголосым гулом, точно все посетители говорили разом, перебивая друг друга.

Максвелл прищурился, стараясь высмотреть свободный столик. Пожалуй, подумал он, им следовало бы пойти в другое место. Но ему хотелось поужинать именно тут, потому что этот кабачок был облюбован студентами и преподавателями его факультета и здесь он чувствовал себя как дома.

– Пожалуй, нам лучше пойти куда-нибудь еще, – сказал он, обернувшись к Кэрол Хэмптон.

– Сейчас к нам кто-нибудь подойдет и укажет столик, – ответила она. – Наверное, большой наплыв – официанты совсем сбились с ног... Сильвестр! Немедленно прекрати! Извините его, пожалуйста, – добавила она умоляюще, обращаясь к людям, сидевшим за столиком, возле которого они стояли. – Он такой невоспитанный! И совершенно не умеет вести себя за столом. Хватает все, что увидит...

Сильвестр облизывался с довольным видом.

– Пустяки, мисс, – сказал обездоленный бородач. – Я, собственно говоря, и не собирался его есть. Просто у меня привычка заказывать бифштексы.

– Пит! Пит Максвелл! – закричал кто-то в дальнем конце зала.

Прищурившись, Максвелл разглядел в полумраке, что ему машет руками какой-то человек, вскочивший из-за столика в углу. Он узнал его. Это был Алле-Оп, а рядом с ним маячила белая фигура Духа.

– Встретили друзей? – спросила Кэрол.

– Да. По-видимому, они приглашают нас за свой столик. Вы не возражаете?

– Это неандерталец? – спросила она.

– Вы его знаете?

– Видела несколько раз. Но мне хотелось бы с ним познакомиться. А рядом сидит Дух?

– Они неразлучны, – объяснил Максвелл.

– Ну так идемте же!

– Мы можем просто поздороваться, а потом отправиться куда-нибудь еще.

– Ни в коем случае! – воскликнула Кэрол. – По-моему, здесь очень интересно.

– Вы не бывали тут раньше?

– Не осмеливалась, – ответила она.

– Тогда следуйте за мной, – сказал он и начал медленно пробираться между столиками.

Девушка и тигренок шли за ним по пятам.

Алле-Оп выскочил навстречу Максвеллу, бурно заключил его в объятия, потом взял за плечи, отодвинул и начал всматриваться ему в лицо.

- Ты в самом деле старина Пит? - спросил он. - Ты нас не морочишь?

- Да, я Пит, - ответил Максвелл. - А кем еще я могу быть, по-твоему?

- В таком случае, - сказал Оп, - кого мы хоронили три недели назад, в четверг? И я, и Дух, оба были там. И ты нам должен двадцать монет - ровно столько стоил венок, который мы прислали.

- Давайте сядем, - предложил Максвелл.

- Опасаешься скандала? - осведомился Оп. - Но ведь это место для скандалов и создано: каждый час по расписанию завязываются кулачные бои, а в промежутках кто-нибудь влезает на стол и раздражается речью.

- Оп, - сказал Максвелл, - со мной дама, так что ты укротись и оцивилизуйся. Мисс Кэрол Хэмптон, эта стоеросовая дубина зовется Алле-Оп.

- Счастлив познакомиться с вами, мисс Хэмптон, - сказал Алле-Оп. - Но кого я вижу! Саблезубый тигр, с места мне не сойти! Помнится, был случай, когда я в буран укрылся в пещере, где уже сидела такая вот киска, а при мне никакого оружия, кроме тупого кремневого ножа. Понимаете, палица у меня сломалась, когда я повстречал медведя, и...

- Доскажешь как-нибудь в другой раз, - перебил Максвелл. - Может быть, мы все-таки сядем? Нам очень хочется есть и вовсе не хочется, чтобы нас вышвырнули отсюда.

- Пит, - сказал Алле-Оп, - быть вышвырнутым из этой забегаловки - весьма большая честь. Ты можешь считать свое общественное положение упроченным только после того, как тебя вышвырнут отсюда.

Однако, продолжая ворчать себе под нос, он все-таки направился к своему столику и галантно подвинул стул Кэрол. Сильвестр устроился между ней и Максвеллом, положил подбородок на стол и недоброжелательно уставился на

Алле-Опа.

- Этой киске я не нравлюсь, - объявил Оп. - Возможно, она знает, сколько ее предков я поистреблял в добром старом каменном веке.

- Сильвестр всего лишь биомех, - объяснила Кэрол, - и ничего знать не может.

- Ни за что не поверю, - сказал Оп. - Эта животное - никакой не биомех. У него в глазах самая что ни на есть типичная саблезубая подлость.

- Пожалуйста, Оп, уймись на минутку, - прервал его Максвелл. - Мисс Хэмптон, позвольте представить вам Духа, моего старого друга.

- Мне очень приятно познакомиться с вами, мистер Дух, - сказала Кэрол.

- Только не «мистер», а просто Дух, - поправил тот. - Я ведь дух, и больше ничего. И самое ужасное заключается в том, что я не знаю, чей я, собственно, дух. Очень рад познакомиться с вами. Так уютно сидеть за столиком вчетвером. В цифре «четыре» есть что-то милое и уравновешенное.

- Ну, - объявил Оп, - теперь, когда мы перезнакомились, давайте перейдем к делу. Выпьем! Ужасно противно пить в одиночку. Конечно, я люблю Духа за многие его превосходные качества, но не перевариваю непьющих.

- Ты же знаешь, что я не могу пить, - вздохнул Дух. - И есть не могу. И курить. Возможности духов весьма и весьма ограничены, но мне хотелось бы, чтобы ты перестал указывать на это всем, с кем мы знакомимся.

Оп повернулся к Кэрол:

- Вы, кажется, удивлены, что варвар-неандерталец способен изъясняться так красноречиво и свободно, как я?

- Не удивлена, а потрясена, - поправила Кэрол.

- Оп, - сообщил ей Максвелл, - за последние двадцать лет вобрал в себя такое количество знаний, какое обыкновенному человеку и не снилось. Начал с

программы детского сада в буквальном смысле слова, а сейчас работает над докторской диссертацией. А главное, он и дальше собирается продолжать в том же духе. Его можно назвать одним из самых выдающихся наших студентов.

Оп поднял руку и замахал официанту.

– Сюда! – крикнул он. – Здесь есть люди, которые хотели бы облагодетельствовать вас заказом. Все они умирают от жажды.

– Больше всего меня в нем восхищает, – заметил Дух, – его застенчивость и скромность.

– Я продолжаю учиться, – сказал Оп, – не столько из стремления к знаниям, сколько ради удовольствия наблюдать ошарашенное выражение на лицах педантов-преподавателей и дураков-студентов. Впрочем, – повернулся он к Максвеллу, – я отнюдь не утверждаю, что все преподаватели обязательно педанты.

– Спасибо! – сказал Максвелл.

– Есть люди, – продолжал Оп, – которые, по-видимому, убеждены, что Homo sapiens neanderthalensis – глупая скотина, и ничего больше. Ведь что ни говори, а он вымер, он не смог выдержать борьбы за существование, в чем усматривается прямое доказательство его безнадежной второсортности. Боюсь, я и дальше буду посвящать мою жизнь опровержению...

Рядом с Опом возник официант.

– А, это опять вы! – сказал он. – Можно было сразу догадаться, как только вы принялись на меня орать. Вы невоспитанны, Оп.

– С нами тут сидит человек, – сообщил ему Оп, пропуская мимо ушей оскорбительное утверждение, – который вернулся из страны теней. По-моему, достойнее всего будет отпраздновать его воскресение дружеской вакханалией.

– Насколько я понял, вы хотели бы чего-нибудь выпить?

– Так почему же вы сразу не принесли бутылку хорошего пойла, ведро льда и четыре... нет, три рюмки? – осведомился Оп. – Дух, знаете ли, не пьет.

– Я знаю, – сказал официант.

– То есть если мисс Хэмптон не предпочитает какую-нибудь модную болтушку, – уточнил Оп.

– Кто я такая, чтобы вставлять палки в колеса? – спросила Кэрол. – Что пьете вы?

– Кукурузное виски, – ответил Оп. – Наш с Питом вкус в этом отношении ниже всякой критики.

– Ну так кукурузное виски, – решила Кэрол.

– Насколько я понял, – сказал официант, – когда я приволоку сюда бутылку, у вас будет чем за нее заплатить. Я помню, как однажды...

– Если я обману ваши ожидания, – объявил Оп, – мы обратимся к старине Питу.

– К Питу? – переспросил официант и, посмотрев на Максвелла, воскликнул: – Профессор! А я слышал, что вы...

– Я вам уже битый час об этом толкую, – перебил Оп. – Потому-то мы и празднуем. Он восстал из гроба.

– Но я не понимаю...

– И незачем, – сказал Оп. – Несите-ка выпивку, больше от вас ничего не требуется.

Официант убежал.

– А теперь, – сказал Дух, обращаясь к Максвеллу, – пожалуйста, объясните нам, что вы такое. По-видимому, вы не дух, или же процесс их изготовления значительно улучшился с той поры, когда человек, которого представляю я,

сбросил брентную оболочку.

– Насколько можно судить, – начал Максвелл, – перед вами результат раздвоения личности. Один из меня, насколько я понял, стал жертвой несчастного случая и умер.

– Но это же невозможно! – возразила Кэрл. – Психическое раздвоение личности – это понятно, но чтобы физически...

– Ни на земле, ни в небесах нет ничего невозможного, – объявил Дух.

– Цитатка-то заезженная! – заметил Оп. – И к тому же ты ее переврал.

Он принялся энергично скрести короткими пальцами волосатую грудь.

– Не смотрите на меня с таким ужасом, – сказал он Кэрл. – Зуд, и больше ничего. Я дитя природы и потому чешусь. Но я отнюдь не наг. На мне надеты шорты.

– Его выучили ходить на двух ногах, – заметил Максвелл, – но только-только.

– Вернемся к раздвоению вашей личности, – сказала Кэрл. – Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, произошло?

– Я отправился на одну из планет системы Енотовой Шкуры, и в пути моя волновая схема каким-то образом сдублировалась, так что я прибыл одновременно в два разных места.

– Вы хотите сказать, что возникло два Питера Максвелла?

– Вот именно.

– На твоём месте, – сказал Оп, – я подал бы на них в суд. Этим транспортникам даже убийство с рук сойдет! Ты можешь вытрясти из них хорошее возмещение. Вызовешь свидетелями меня и Духа. Мы ведь были на твоих похоронах! И вообще, – добавил он, – нам с Духом тоже следует предъявить иск. За причинение морального ущерба. Наш лучший друг лежит в гробу бледный и неподвижный, а мы совсем убиты горем.

– Нет, правда, мы очень горевали, – сказал Дух.

– Я знаю, – ответил Максвелл.

– Послушайте, – сказала Кэрол. – Помоему, вы все трое относитесь к случившемуся как-то слишком уж легкомысленно. Один из трех друзей...

– Чего вы от нас хотите? – осведомился Оп. – Чтобы мы запели «Аллилуйя»? Или тарасили глаза, дивясь неслыханному чуду? Мы потеряли приятеля, а теперь он вернулся...

– Но ведь их было двое, и один...

– Для нас он всегда был один, – сказал Оп. – И пожалуй, так лучше. Нетрудно представить, какие недоразумения возникли бы, если бы его было двое.

Кэрол повернулась к Максвеллу:

– А что скажете вы?

Он покачал головой:

– Я начну всерьез думать об этом только дня через два. А пока, наверное, я просто не могу. По правде говоря, при одной мысли об этом меня охватывает какое-то оцепенение. Но сейчас я сижу здесь с хорошенькой девушкой, с двумя старыми друзьями и большим симпатичнейшим котиком и знаю, что нам предстоит разделаться с бутылкой виски, а потом хорошенько поужинать.

Он весело ей улыбнулся. Кэрол пожала плечами.

– Таких сумасшедших я еще не видела, – сказала она. – И знаете, мне это нравится.

– Мне тоже, – объявил Оп. – Что ни говорите, а эта ваша цивилизация куда приятнее давних эпох. В моей жизни не было дня счастливей того, когда экспедиция из Института времени утащила меня сюда как раз в тот момент,

когда несколько моих любящих соплеменников решили подзакусить мною. Впрочем, у меня к ним нет никаких претензий. Зима выдалась долгая и суровая, снег был очень глубоким, и дичь совсем исчезла. К тому же кое-кто из племени имел на меня зуб – и не без оснований, не буду вас обманывать. Меня уже собирались ткнуть по затылку и, так сказать, бросить в общий котел...

– Каннибализм! – с ужасом произнесла Кэрол.

– Естественно, – утешил ее Оп. – В те безыскусственные первобытные деньки в подобной ситуации не было ничего особенного. Но, разумеется, вам этого не понять. Ведь вы ни разу не испытали настоящего голода, верно? Такого, чтобы кишки сводило, чтобы совсем иссохнуть... – Он умолк и обвел глазами зал. – Наиболее утешительный аспект этой культуры, – продолжал он, – заключается в изобилии пищи. В старину у нас была чересполосица: ухлопаем мастодонта и едим, пока нас не начнет рвать, после чего опять едим и...

– На мой взгляд, – предостерегающе сказал Дух, – эта тема не слишком подходит для разговора за столом.

Оп поглядел на Кэрол.

– Во всяком случае, вы должны признать, – объявил он, – что я прямодушен. Когда я имею в виду рвоту, я так и говорю: «нас рвало», а не «мы срыгивали».

Подошел официант и почти швырнул на стол бутылку и ведро со льдом.

– Горячее сейчас закажете? – спросил он.

– Мы еще не решили, будем ли мы питаться в этой подозрительной харчевне. Одно дело тут нализаться, и совсем другое...

– В таком случае, сэ... – Официант положил перед ними счет.

Оп порылся в карманах и вытащил деньги. Максвелл придвинул бутылку и ведро поближе и начал раскладывать лед в рюмки.

– Но мы поужинаем тут? – спросила Кэрол. – Если Сильвестр не получит бифштекса, который вы ему обещали, я ничего не гарантирую. И ведь как терпеливо и благонаравно он ведет себя, несмотря на все эти аппетитные запахи!

– Ведь он уже скушал один бифштекс! – напомнил Максвелл. – Сколько еще он способен их сожрать?

– Неограниченное количество, – ответил Оп. – В старину такое чудовище в один присест уминало лося. Я вам когда-нибудь рассказывал...

– Думаю, что да, – поспешно сказал Дух.

– Но бифштекс был пережаренный! – запротестовала Кэрол. – А он любит их с кровью. И к тому же совсем крохотный!

– Оп, – попросил Максвелл, – верни официанта. У тебя отлично получается. Твой голос словно создан для этого.

Оп взмахнул могучей рукой и взревел. Потом подождал немного и снова взревел, но опять безрезультатно.

– Он меня игнорирует, – проворчал Оп. – А может быть, это вовсе и не наш официант. Я их, макак, не различаю. Они для меня все на одно лицо.

– Не нравится мне сегодняшняя публика, – сказал Дух. – Я посматриваю по сторонам. Что-то созревает.

– А чем они плохи? – спросил Максвелл.

– Слишком много слизняков из английской литературы. Обычно они сюда не заходят. Завсегдатаи здесь временщики и сверхъестественники.

– Ты думаешь, из-за Шекспира?

– Возможно, – согласился Дух.

Максвелл передал рюмку Кэрол, а другую подвинул через стол Опу.

– Как-то неудобно, что вы остаетесь ни при чем, – сказала Кэрол, обращаясь к Духу. – Ну понюхайте хотя бы!

– Пусть вас это не тревожит, – вмешался Оп. – Этот субъект напивается до розовых слонов одним лунным светом. Он может танцевать на радуге. У него перед вами масса преимуществ. Например, он бессмертен. Духа ведь ничем не убьешь.

– Ну, не знаю, – сказал Дух.

– Я не понимаю одного... – сказала Кэрол. – Вы не рассердитесь?

– Пожалуйста, не стесняйтесь!

– Вы сказали, что не знаете, чей вы дух. Вы пошутили или это правда?

– Это правда, – ответил Дух. – И поверьте, весьма неприятная. Я чувствую себя крайне неловко. Но что поделаешь – забыл! Из Англии – это я, во всяком случае, знаю твердо. Но фамилию вспомнить никак не могу. У меня есть подозрение, что и остальные духи...

– У нас тут нет других духов, – сказал Максвелл. – Контакты с духами, беседы, интервью – это сколько угодно, но ни один дух, кроме тебя, не захотел жить среди нас. Почему ты это сделал, Дух? Пришел к нам, я имею в виду.

– Он прирожденный аферист, – заметил Оп. – Всегда высматривает, где чем можно поживиться.

– Ну, положим! – возразил Максвелл. – Что, собственно, мы можем дать духу?

– Вы даете мне, – сказал Дух, – ощущение реальности.

– Какова бы ни была причина, я очень рад, что ты пришел к нам, – сказал Максвелл.

– Вы трое – уже давние друзья, – задумчиво произнесла Кэрол.

– И вас это удивляет? – спросил Оп.

– Да, пожалуй... Я сама не очень понимаю, что, собственно, имела в виду.

В противоположном конце зала послышалась какая-то возня. Кэрол и Максвелл обернулись на шум, но не смогли разобрать, что там происходит.

Внезапно на один из столиков вспрыгнул человек и запел:

Билл Шекспир, хороший мальчик,

Зря бумаги не марал,

Не давал проходу юбкам,

Громко песенки орал...

Раздались возмущенные вопли и свист. Кто-то бросил чем-то в певца, но промахнулся. Часть посетителей подхватила песню:

Билл Шекспир, хороший мальчик,

Зря бумаги не марал...

Какой-то могучий бас оглушительно взревел:

– К черту Билла Шекспира!

И зал словно взорвался. На пол полетели стулья, люди вскакивали на столы, пронзительно вопили, сталкивали и стаскивали друг друга вниз. Замелькали кулаки. В воздух взвились различные предметы.

Максвелл вскочил и толкнул Кэрол себе за спину. Оп с оглушительным боевым кличем перепрыгнул через стол и опрокинул ногой ведро. Ледяные кубики разлетелись во все стороны.

– Я посбиваю их как кегли, – крикнул он Максвеллу, – а ты знай оттаскивай!

Максвелл заметил кулак, взметнувшийся у него над ухом, увернулся и нанес удар в пустоту, примерно в том направлении, откуда появился кулак. Над его плечом промелькнула ручища Опа, завершавшаяся могучим кулаком, который врезался в чью-то физиономию, и кто-то покатился по полу за их столиком.

В затылок Максвелла угодил какой-то тяжелый предмет, летевший со значительной скоростью, и он свалился. Вокруг топталось множество ног. Кто-то наступил ему на руку. Кто-то упал на него. Где-то высоко раздавались дикие завывания Опа.

Максвелл извернулся, сбросил упавшее на него тело и, пошатываясь, поднялся с пола. В его локоть впились сильные пальцы.

– Давай-ка выбираться отсюда, – сказал Оп. – Это может скверно кончиться.

Кэрол откинулась назад, обеими руками едва удерживая за голову Сильвестра. Тигренок стоял на задних лапах, молотя передними по воздуху. Он утробно рычал, и его длинные клыки поблескивали в полутьме.

– Если мы сейчас же не вытащим его отсюда, – сказал Оп, – котик сам раздобудет себе бифштекс.

Он стремительно нагнулся, схватил тигренка поперек живота, поднял и прижал к груди.

– Позаботься о девушке! – скомандовал Оп. – Тут где-то есть другой выход. И не забудь бутылку! Она нам еще понадобится.

Максвелл взял бутылку за горлышко.

Духа нигде не было видно.

– Я трус, – признался Дух. – Я не скрываю, что стоит завязаться драке, и я превращаюсь в зайца.

– А ведь ты единственный парень в мире, которого никто и пальцем тронуть не может, – заметил Оп.

Они сидели вокруг квадратного шаткого стола, который Оп однажды в припадке хозяйственной энергии собственноручно сколотил из нетесаных досок. Кэрл отодвинула тарелку.

– Я умирала от голода, – сказала она, – но не в силах больше проглотить ни кусочка.

– И не только вы, – отозвался Оп. – Взгляните-ка на нашу кисоньку.

Сильвестр лежал, свернувшись возле очага. Обрубок хвоста был плотно прижат к заду, пушистые лапы прикрывали нос, усы ритмично подрагивали от спокойного дыхания.

– В первый раз вижу, чтобы саблезубый наелся до отвала, – сказал Оп.

Он взял бутылку и встряхнул ее. Она была пуста. Неандерталец встал, направился в угол, нагнулся, приподнял дверцу в полу и пошарил под ней. Он вытащил стеклянную банку и отставил ее в сторону. Потом достал еще одну и поставил ее рядом с первой. Наконец он с торжествующим видом извлек из темной дыры бутылку.

Убрав банки на прежнее место, Оп опустил дверцу, вернулся к столу, откупорил бутылку и начал разливать ее содержимое по стаканам.

– Вы, ребята, конечно, пьете без льда, – сказал он. – Чего зря разбавлять хороший напиток! А к тому же льда у меня все равно нет. – Он указал на дверцу в полу. – Мой тайник. Я всегда держу там бутылку-другую. На случай, если я, например, сломаю ногу, а медик запретит мне пить...

– Из-за какой-то там сломанной ноги? – усомнился Дух.

- Ну, не из-за ноги, так из-за чего-нибудь другого, - сказал Оп.

Они с удовольствием прихлебывали виски, Дух смотрел на огонь, а ветер снаружи шуршал по стенам хижины.

- В жизни я так вкусно не ужинала, - вздохнула Кэрол. - Я никогда еще не жарила себе сама бифштекс на палочке прямо над огнем.

Оп удовлетворенно рыгнул:

- Так мы жарили мясо в каменном веке. Или ели его сырым, как вон тот саблезубый. У нас ведь не было ни плит, ни духовок, ни прочих ваших выдумок.

- У меня такое ощущение, - сказал Максвелл, - что лучше не спрашивать, откуда взялась эта вырезка. Ведь все мясные лавки наверняка были закрыты.

- Были-то были, - согласился Оп. - Но есть тут один магазинчик, и на задней двери висел там вот этот простенький замок...

- Когда-нибудь, - сказал Дух, - ты наживешь крупную неприятность.

Оп покачал головой:

- Не думаю. Во всяком случае, не в этот раз. Жизненно важная потребность... Нет, пожалуй, не то. Когда человек голоден, он имеет право на любую пищу, которую отыщет. Такой закон был в первобытные времена. Уж конечно, суд и сейчас примет его во внимание. Кроме того, я завтра заеду туда и объясню, что произошло. Кстати, - повернулся он к Максвеллу, - у тебя есть деньги?

- Сколько хочешь, - ответил тот. - Мне были выписаны командировочные для поездки в Енотовую Шкуру, и я не истратил из них ни гроша.

- Значит, на планете, куда вы попали, с вами обращались как с гостем? - заметила Кэрол.

– Примерно. Я так до конца и не разобрался, в каких отношениях я находился с местными обитателями.

– Они были приятными людьми?

– Приятными-то приятными, но вот людьми ли – не знаю. – Он повернулся к Опу. – Сколько тебе нужно?

– Сотни должно хватить. Мясо, взломанная дверь и, конечно, оскорбленные чувства нашего друга – мясника.

Максвелл достал бумажник, вытащил несколько банкнот и протянул их Опу.

– Спасибо, – сказал неандерталец. – За мной должок.

– Нет, – возразил Максвелл. – Сегодня угощаю я. Ведь я пригласил Кэрол поужинать, хотя из этого ничего не вышло.

Сильвестр у очага зевнул, потянулся и снова уснул – уже на спине, задрав все четыре лапы кверху.

– Вы здесь в гостях, мисс Хэмптон? – спросил Дух.

– Нет, – с удивлением ответила Кэрол. – Я здесь работаю. А почему вы подумали...

– Из-за вашего тигра. Вы сказали, что это биомех, и я, естественно, подумал, что вы сотрудница Биомеханического института.

– А! – сказала Кэрол. – Нью-йоркского или венского?

– Есть еще азиатский центр в Улан-Баторе, если мне не изменяет память.

– А вы там бывали?

– Нет. Только слышал.

– А ведь он мог бы побывать, если б захотел, – сказал Оп. – Он ведь способен переноситься куда угодно в мгновение ока. Вот почему сверхъестественники терпят его штуки. Они рассчитывают в конце концов докопаться до этих его свойств. Только старина Дух стреляный воробей и ничего им не говорит.

– На самом деле его молчание объясняется тем, что ему платят транспортники, – вмешался Максвелл. – Им нужно, чтобы он держал язык за зубами. Если он расскажет о способе своего передвижения, им придется закрыть лавочку. Люди смогут переноситься по желанию куда захотят, не обращая внимания на расстояние, будь то хоть миля, хоть целый миллион световых лет.

– А до чего он тактичен! – подхватил Оп. – Ведь клонил-то он к тому, что такой саблезубый стоит больших денег, если вы не специалист по биомеханике и сами смастерить его не могли.

– Понимаю! – сказала Кэрол. – Это верно. Они стоят безумных денег, которых у меня нет. Мой отец преподавал в нью-йоркском Биомеханическом институте, и Сильвестра изготовили студенты его семинара, а потом подарили ему, когда он уходил на пенсию.

– А я все равно не верю, что эта киса биомеханического происхождения. Слишком уж у нее блестят глаза, когда она смотрит на меня, – заметил Оп.

– Дело в том, – объяснила Кэрол, – что в настоящее время они уже не столько «мех», сколько «био». Термин «биомеханический» родился в те дни, когда чрезвычайно сложный электронный мозг и нервная система помещались в особого рода протоплазму. Но теперь механическими в них остались только органы, которые в природе изнашиваются особенно быстро, – сердце, почки, легкие и прочее в том же роде. Собственно говоря, в настоящее время биомеханические институты просто создают те или иные живые организмы... Но вы это, конечно, знаете.

– Ходят разговоры, – сказал Максвелл, – что где-то под замком содержится группа сверхлюдей. Вы что-нибудь об этом слышали?

– Да. Но всегда ходят какие-нибудь странные слухи.

– А самый лучший поймал недавно я, – вмешался Оп. – Конфетка! Мне шепнули, что сверхъестественники установили контакт с Сатаной! Так как же, Пит?

– Ну, возможно, кто-то и предпринял такую попытку, – сказал Максвелл. – Ведь это просто напрашивалось.

– Неужели вы считаете, что Сатана и в самом деле существует? – удивилась Кэрол.

– Двести лет назад, – ответил Максвелл, – люди точно таким же тоном спрашивали, неужели существуют гоблины, тролли и феи.

– И духи, – вставил Дух.

– Кажется, вы говорите серьезно! – воскликнула Кэрол.

– Нет, конечно, – ответил Максвелл. – Но я не склонен априорно отрицать даже существование Сатаны.

– Это удивительный век! – заявил Оп. – Что, несомненно, вы слышали от меня и раньше. Вы покончили с суевериями и бабушкиными сказками. Вы отыскиваете в них зерно истины. Однако мои соплеменники знали про троллей, гоблинов и прочих. Легенды о них, как известно, всегда основывались на фактах. Только позже, когда человек вышел из пеленок дикарской простоты, если вам угодно называть это так, он отмел факты, не позволяя себе поверить в то, что, как он знал, было правдой. Поэтому он принялся приукрашивать факты и упрятал их в сказки, легенды и мифы. А когда люди размножились, все эти существа начали старательно от них прятаться. И хорошо сделали: в свое время они вовсе не были такими милыми, какими вы считаете их теперь.

– А Сатана? – спросил Дух.

– Не знаю, – ответил Оп. – Возможно, но точно сказать не могу. Тогда уже были все те, кого вы теперь разыскали, выманили на свет и поселили в заповедниках. Но их разновидностей было куда больше. Некоторые были жуткими, и все – вредными.

- По-видимому, вы не питали к ним большой симпатии, - заметила Кэрол.

- Да, мисс. Не питал.

- На мой взгляд, - сказал Дух, - этим вопросом стоило бы заняться Институту времени. По-видимому, существовало много разных типов этих... можно назвать их приматами?

- Да, пожалуй, можно, - согласился Максвелл.

- ...Приматов совсем иного склада, чем обезьяны и человек.

- Еще бы не другого! - с чувством произнес Оп. - Гнусные вонючки, и больше ничего.

- Я уверена, что когда-нибудь Институт времени возьмется за разрешение и этого вопроса, - сказала Кэрол.

- Еще бы! - ответил Оп. - Я им только об этом и твержу и прилагаю надлежащие описания.

- У Института времени слишком много задач, - напомнил им Максвелл. - В самых различных и одинаково интересных областях. Им же надо охватить все прошлое!

- При полном отсутствии денег, - добавила Кэрол.

- Мы слышим голос лояльного сотрудника Института времени, - объявил Максвелл.

- Но это же правда! - воскликнула девушка. - Исследования, которые проводит наш институт, могли бы принести столько пользы другим наукам! На писаную историю полагаться нельзя. Во многих случаях оказывается, что все было совсем не так. Пристрастия, предубеждения или просто тупые суждения, навеки мумифицированные на страницах книг и документов! Но разве другие институты выделяют на такие исследования необходимые средства? Я могу вам ответить: нет и нет! Ну, есть, конечно, исключения. Юридический факультет всегда идет нам навстречу, но таких мало. Остальные боятся. Они не хотят рисковать

благополучием своих уютных мирков. Возьмите, например, эту историю с Шекспиром. Казалось бы, факультет английской литературы должен был обрадоваться, узнав, кто был настоящим автором этих пьес. В конце концов, вопрос о том, кто их автор, дебатировался несколько столетий. Но когда Институт времени дал на него точный ответ, они только вышли из себя.

– А теперь, – сказал Максвелл, – институт тащит сюда Шекспира читать лекцию о том, писал он их или нет. Не кажется ли вам, что это не слишком тактично?

– Ах, дело совсем в другом! – вспыхнула Кэрол. – В том, что Институт времени вынужден превращать историю в аттракцион, чтобы пополнить свою кассу. И так всегда. Всевозможные планы, цель которых одна – раздобыть деньги. И так уж у нас репутация балаганных клоунов. Неужели вы думаете, что декану Шарпу нравится...

– Я хорошо знаю Харлоу Шарпа, – сказал Максвелл. – Поверьте, он извлекает из этого массу удовольствия.

– Какое кощунство! – воскликнул Оп с притворным ужасом. – Или ты не знаешь, что за разглашение священных тайн тебя могут распять?

– Вы смеетесь надо мной! – сказала Кэрол. – Вы смеетесь над всеми и над всем. И вы тоже, Питер Максвелл.

– Я приношу извинения от их имени, – вмешался Дух, – поскольку у них не хватает ума извиниться самим. Только прожив с ними бок о бок десять – пятнадцать лет, начинаешь понимать, что они, в сущности, совсем безвредны.

– И все равно наступит день, когда Институт времени получит все необходимые средства, – сказала Кэрол. – Тогда он сможет привести в исполнение задуманные проекты, а остальные факультеты могут убираться ко всем чертям. Когда состоится продажа...

Внезапно она умолкла и словно окаменела. Казалось, только колоссальным усилием воли она удержалась от того, чтобы зажать себе ладонью рот.

– Какая продажа? – спросил Максвелл.

– По-моему, я знаю, – сказал Оп. – До меня дошел слух, собственно говоря слушок, и я не обратил на него внимания. Хотя, если на то пошло, как раз такие мерзкие, тихие слушки и оказываются на поверку правдой. Когда слух грозен, повсеместен и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/klifford-saymak/zapovednik-goblinov-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)